

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

ТРАНСГРЕССИЯ
В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
МОЛОДЕЖИ

Вал. А. Луков
**Теории
молодежи:
пути развития***

должна быть оснащена «механизмами для выработки неопределенности» (Ю. М. Лотман).

Внимание к рискологии-вческой концепции молодежи в отечественной социологии возрастает, и некоторые новейшие работы, учитывающие это, заслуживают внимания именно в плане развития теоретических основ изучения молодежи. Таковы, в частности, работы белорусской исследовательницы Т. И. Яковук¹, в которых выдвигается концепция трансгрессии в духовной жизни молодежи, во многом близкая рискологической концепции.

Тематика неопределенности, крайне важная для социологической трактовки процессов в современном обществе стран, образовавшихся на руинах бывшего СССР, постигается в социологии стран СНГ скорее в социально-философском, нежели социологическом ключе. Это относится и к молодежной проблематике. Строя свою концепцию, Т. И. Яковук осмысливает молодежные проблемы Белоруссии как вытекающие из фактора неопределенности в социокультурной регуляции (или, по крайней мере, с ним связанные). Это один из важных шагов к прояснению значения неопределенности для социокультурного развития: каждая культура как саморазвивающаяся система

Концепция трансгрессии в духовной жизни молодежи (по нашей реконструкции) строится на следующих утверждениях:

1. Субъектность молодежи проявляется в трех основных аспектах: а) в процессе социализации и расширенного воспроизводства духовной культуры, в ходе которого происходит наследование и обновление молодежью существующего опыта общественных отношений, ее участие в дальнейшем преобразовании общества, б) субъектность реализуется в процессе интериоризации социокультурных норм, ценностей, исторически сложившихся традиций и в поиске их новых форм и смыслов как оснований социальной идентичности, в) субъектность молодежи проявляется в процессе формирования индивидуального и группового сознания на основе отличительных социокультурных образцов и самоорганизации в рамках молодежной субкультуры².

2. Молодежь представляет собой гетерогенную совокупность групповых общностей как носителей различного опыта и социокультурных образцов. Соответственно этому в силу внутригруппового расслоения мо-

* Окончание.

Начало в №3 за 2007 год. Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №07-06-00069).

лодежное сознание представляет собой мозаичное явление, однако в нем отмечаются разнонаправленные процессы дифференциации и интеграции: будучи внутренне дифференцированной группой, молодежь объединяется вокруг схожих глобализированных субкультурных образцов — нормативных и знаково-символических, — что одновременно свидетельствует о новых формах универсализации в ее среде. В то же время в условиях неопределенности не складываются предпосылки для формирования макроидентичностей, следствием чего является отказ подавляющего большинства белорусской молодежи от соотнесения себя с макросообществами, включая собственное поколение³.

3. В условиях неопределенности лабильное сознание молодежи накладывается на неустойчивость и нестабильность социокультурной среды трансформирующегося общества, что препятствует формированию устойчивых образцов группового сознания и приводит к возникновению новых трансгрессивных интересов. Однако в исследованиях Т. И. Яковук зафиксирован не только свойственный молодежи периода социокультурной неопределенности индивидуализм и ярко выраженное стремление к независимости, но и высокая значимость в аксиологической структуре ее духовной жизни аффилиационно-аллоцентрических ценностей⁴.

4. Нарастающие процессы индивидуализации в духовной жизни провоцируют молодежь к саморегуляции и построению индивидуальных биографий с акцентом на эгоцентризм. Но, тем не менее, автором обосновывается вывод о двойственности влияния условий нестабильности и риска, жесткой конкуренции и неопределенности ценностно-нормативных требований, т. е. в групповом сознании белорусской молодежи присутствуют не только индивидуалистические ценности, но и ориентации социально интегрирующего характера, формирующие контуры ее духовной жизни: в духовной жизни молодежи формируется модель ревитализации аксиологической структуры,

основанная на возрождении и укреплении общечеловеческих ценностей⁵.

Т. И. Яковук утверждает, что под влиянием социальных институтов происходит институционализация саморегуляции, самоорганизации молодежи⁶. Это положение интересно для осмысления молодежной политики, особенно при переходе от ее этатистской стратегии к концепции общественно-государственной молодежной политики⁷. Между прочим, такой переход может в большей степени учитывать противоречие, которое способно стать источником развития современного поколения молодежи (у Яковук оно отнесено к ситуации в Беларуси, но, видимо, здесь есть основание для более широкого толкования): столкновение ценностей традиционного и современного общества, выражающееся в сочетании устремленности молодых людей не только к стабильности, спокойствию и душевной гармонии, но и к активности, динамике, изменениям, успеху, сопровождающихся напряжением и фрустрациями⁸. В этой связи заслуживает внимания и утверждение, что в условиях неопределенности сложилось противоречие между стремлением молодежи к самореализации в духовной сфере и ограниченными возможностями для такой самореализации в связи с кризисными явлениями внутри ряда социальных институтов — образования, науки, досуга, — что обусловило деформацию потребностей, интересов и ценностей молодежи в названных сферах⁹. Здесь белорусская исследовательница наиболее близка к рискологической концепции молодежи.

И здесь же проявляется незавершенность трансгрессивной концепции, иногда проявляющаяся и в рискологической концепции и состоящая в том, что молодежи приписываются те же характеристики неопределенности, что и предшествующим поколениям (поколениям взрослых). Т. И. Яковук время от времени рассматривает ценностные ориентации молодежи как находящиеся в процессе исторической «переоценки ценностей». Например, отмечается «отход молоде-

жи от коллективистских ценностей в сторону индивидуалистических», утверждает, что в среде белорусской молодежи «произошла трансформация ценностей, т. е. состоялся распад прежних, в недалеком прошлом доминировавших ценностей, и появление новых, более адекватных плюральному обществу»¹⁰. Здесь нет чего-то необычного для социологической литературы последних десятилетий. Большинство авторов не замечают, что переоценка ценностей — явление, свойственное сознанию зрелых людей, молодежь застаёт систему ценностей (или — как сейчас — ту ситуацию социальной аномии), которая сложилась в обществе и выступает как составная часть ее (молодежи) наличного бытия. Но как раз Т. И. Яковук видит это обстоятельство (например, когда делает вывод: «Молодежь, выросшая на руинах прежней жестко идеологизированной системы ценностей, воспринимает новую хаотичную несформировавшуюся реальность как вполне естественную, натуральную»¹¹). Для нее есть смысл формулировать данное замечание как недостаток концепции.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОЛОДЕЖИ

В концептуальном поле молодежных исследований выделяется позиция, в своей основе опирающаяся на социально-философское понимание гуманизма как признания самоценности человека, его жизненного выбора на каждом из этапов становления личности и личностного роста. Самоценна, таким образом, и молодость, выступающая как биосоциальное свойство индивида — но также и достояние народа, страны, общества. В кругу отечественных исследователей молодежи в таком ракурсе строит свое осмысление молодежи И. М. Ильинский, и совокупность его теоретических постулатов относительно молодого поколения есть основания определить как гуманистическую концепцию молодежи.

Внимание к проблемам человеческого начала в социологии, как известно, пронизывало «понимающую социологию» М. Вебера,

оно же позволило назвать «гуманистической социологией» теоретическую конструкцию Ф. Знанецкого, своего рода гуманистический императив характерен для личностно-ориентированной социологии П. Бергера. Называя концепцию молодежи И. М. Ильинского гуманистической, мы имеем в виду не ее связь с этими и другими источниками из мира социологических идей и текстов, а доминанту личностного роста и самореализации молодого человека, которая отодвигает с переднего плана прагматический подход к молодежи как к ресурсу общественного прогресса. Этот подход определил теоретическое ядро многих (хотя не всех) исследований, проводившихся в Научно-исследовательском центре Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, который 10 лет возглавлял И. М. Ильинский, а затем в Институте молодежи, МГСА, МосГУ. Научная школа социологии молодежи Московского гуманитарного университета в теоретическом плане цементируется идеями, составляющими гуманистическую концепцию молодежи.

Мы попытаемся воспроизвести концепцию И. М. Ильинского по его работам разных лет.

Пафос концепции Ильинского составляет положение о том, что «молодежь — это ценность особого рода, это главная ценность общества, это понятие не только демографическое, но также экономическое, социальное, политическое»¹². Если в обществе, в деятельности государства делается ставка на молодежь, то этим изменяется не только будущее, но и настоящее, поскольку политика начинает строиться с опорой на управление процессами, на опережение событий, отесняя политику запоздалых реакций на уже случившееся.

Широкая постановка вопроса о положении молодежи приводит исследователя к убеждению, что «необходима современная, отвечающая запросам XXI века, концепция молодежи, которая, в свою очередь, не может быть создана без новой философии возраста. Эта философия и основанная на ней концепция молодежи будут складываться из

системы универсальных общепринятых среди ювенологов мира научных истин о молодежи как особой категории общества, которые являются общечеловеческим достоянием, а также идей и знаний о молодежи конкретных обществ»¹³.

Концептуальная основа исследований молодежи была представлена И. М. Ильинским в материалах к докладу ООН о положении молодежи в мире, которые готовились под его руководством в 1991 г. и были опубликованы в Нью-Йорке в измененном виде в 1993 г. Изданный на русском языке в 1999 г. в полном виде, этот текст наиболее последовательно представляет теоретические позиции Ильинского в области социологии молодежи (подраздел «Контуры обновленной концепции молодежи»)¹⁴. Позже этот текст вошел в обобщающий труд И. М. Ильинского по итогам его почти тридцатилетних исследований «Молодежь и молодежное движение»¹⁵. Концепция включает восемь базовых положений. Они таковы:

1. Молодежь — это объективное общественное явление, выступающее всегда как большая специфическая возрастная подгруппа. Ключом к познанию природы молодежи является диалектика целого и части («молодежь — часть общества; молодежь — часть общества»). Специфические, обусловленные возрастом проблемы молодежи в любом обществе состоят в том, что (а) молодость тесно связана с идеей зависимости; (б) большая часть молодежи (учащиеся, студенты и т. п.) еще не включена в процесс производства и потому «живет в кредит»; (в) большинство молодых людей не обладает личной самостоятельностью в принятии решений, касающихся их жизни; (г) перед молодыми людьми стоит проблема выбора сферы трудовой деятельности, выбора профессии; (д) молодые люди решают проблему нравственного и духовного самоопределения; (е) они решают проблему брачного выбора и деторождения.

2. Молодежь по природе двойственна: она — явление биологическое и социальное, что определяет связь ее психофизического и социального развития.

3. Молодежь — явление конкретно-историческое. Это означает, что «число определенных молодежи может быть равно числу конкретных обществ, каждое из которых выводится из общего определения молодежи и в то же время служит базой для конкретизации этого определения».

4. Молодежь — это носитель огромного интеллектуального потенциала, особых способностей к творчеству.

5. Молодежь — одновременно объект и субъект социализации, что определяет ее социальный статус.

6. Молодежь обретает субъектность по мере самоидентификации, самоосознания своих интересов, роста своей организованности.

7. Молодежь — носитель процессов, которые развернутся в полную мощь в будущем.

8. Молодежь — объект комплексных, междисциплинарных исследований, которые только в своей совокупности могут дать достаточно достоверную картину о ней.

Многие из представленных положений перекликаются с концепциями молодежи того времени. Что же специфично для концепции И. М. Ильинского? Думается, что основополагающей в ней является идея субъектности молодежи. Близкая позиция разрабатывалась в трудах болгарского исследователя П.-Э. Митева, выдвинувшего концепцию реализации и самореализации молодежи. Она в той или иной мере представлена в трудах польских исследователей М. Карвата и В. Милянковского, ряда российских исследователей. Молодежь не только объект воспитания, но и субъект исторических изменений — так в то время пишут многие ученые, специализирующиеся на исследованиях проблем молодежи. Но И. М. Ильинский идет гораздо дальше, говоря о субъектности молодежи. Проблема, показывает он, в том, что мир решительно меняется, идут процессы, которые не могут быть в достаточной мере осмыслены и тем более взяты под контроль старшим поколением. В этих условиях вопрос состоит не в том,

чтобы поделиться субъектностью с молодежью, но *опереться* на субъектность молодежи, чтобы *вытянуть целое* — все общество, его настоящее и будущее. Это концептуальное переосмысление роли молодежи и молодежного движения в новых социальных и культурных условиях. *«Современное общество должно открыть молодежь как субъект истории, как исключительно важный фактор перемен, как носителя новых идей и программ, как социальную ценность особого рода»*¹⁶ — таков, по Ильинскому, путь к управлению социальным развитием в новых условиях: «открытие» субъектной роли молодежи в масштабах общества и есть необходимое условие, предворяющее эффективную реализацию социальной субъектности молодежи.

Так понимаемая молодежная проблематика ставится И. М. Ильинским в контекст глобальных мировых проблем и важнейшей из них, по мнению автора, — деградации человеческого духа, разрушения человеческой души: «Чтобы выжить и сохранить себя на планете, человечеству придется оздоровить старые и найти новые ценности, утвердить новую парадигму жизни, новое мышление, новые правила общежития, новую мораль и нравственность»¹⁷ — таковы исходные положения для оценки места молодежи в современном мире.

Концепция И. М. Ильинского, несомненно, сформировалась в ключе современных философских представлений о глобализации мировых тенденций. «Глобальные проблемы человечества и процесс глобализации имеют молодежное измерение, молодежное лицо», — подчеркивает исследователь в статье «Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества»¹⁸.

Не во всех случаях глобализация социальных процессов, затрагивающих молодежь, зашла так далеко, как это представлено в данной концепции, и те или иные положения не во всех случаях могут быть применены к «любому обществу». Однако намерение обозначить позицию в форме идеального типа (в веберовском смысле)

плодотворно, в том числе и потому, что в действительности уже к концу XX века глобализация перешла из разряда философских обобщений в социальную реальность, а в начале века XXI-го непосредственно влияет на ход всемирного исторического процесса. Собственно, когда говорят о вызовах глобализации, должно быть ясно, что она бросает вызов именно молодежи — и не только завтра, но и сегодня, а значит, ответ на вызов предполагает, что молодежь «должна внести в жизнь общества такой по масштабу и характеру вклад, какую систему идей, ценностей, знаний и нравственных качеств заложит в нее общество»¹⁹.

Отсюда, между прочим, вытекает новая парадигма образования, которая призвана преодолеть в подрастающих поколениях негативные следствия «глобализации по-американски». Эту парадигму И. М. Ильинский формулирует в книге «Образовательная революция». Его вывод таков: в ситуации, когда глобализация по-американски стала основным фактором неустойчивого развития и все более делает привычным абсурд Происходящего, когда мир становится все более неопределенным и непредсказуемым, образование призвано стать средством спасения. Оно должно носить *«упреждающий, опережающий характер»*, способствовать конструированию и строительству новой реальности...»²⁰. Это означает и смену приоритетов: «если прежняя парадигма в своей основе и содержании была научно-технократической, то новая по своему содержанию является *«прежде всего гуманитарной»*²¹.

Отсюда проистекает задача жизнеспособной личности — стать индивидуальностью, сформировать свои смысложизненные установки, самоутвердиться, реализовать свои задатки и творческие возможности, преобразуя при этом в своих интересах среду обитания, не разрушая и не уничтожая ее, утверждает И. М. Ильинский. Но это значит, что необходима высокая социальная активность личности и поколения, их готовность взять на себя ответственность за будущее общества. В этом духе построена и концеп-

ция молодежной политики, разработке которой, а затем и борьбе за ее претворение в советском, потом российском законодательстве И. М. Ильинский посвятил многие годы.

Сегодня идеи молодежной политики вновь витают в верхах. Вновь в 2007 г. создан Государственный комитет РФ по делам молодежи. Но в целом ныне мы гораздо дальше от цели, нежели в начале перестройки, поскольку осознания того, что молодежная политика нужна для успешного продвижения страны вперед, теперь уже недостаточно. Проблема заострилась до предела. И. М. Ильинский утверждает в работах последнего времени: о молодежи сегодня необходимо говорить *в категориях войны*. Эта война начата не нами, она — прямое продолжение проигранной Советским Союзом холодной войны. Противник имеет разработанные планы, вкладывает в нашу молодежь огромные материальные ресурсы. Он рассчитывает на передел мира без военного вмешательства: не нужен захват территорий, нужно работать с молодежью, которую нужно «перекультурить»²². Вот почему И. М. Ильинский подчеркивает: «Молодежная политика — это центральное звено политики национальной безопасности, берущей начало в настоящем и обращенной — от поколения к поколению — в далекое будущее»²³.

Концептуальная идея молодежной политики — государственной и общественной — этими новыми дополнениями обретает особую актуальность для нашего времени, когда вокруг России выстраиваются новые захватнические планы. Стремление нашей страны восстановить свое место в мире встречает сопротивление тех, кто считал свою победу в холодной войне окончательной. Очевидно, что в новых антироссийских планах молодежи будет уделяться все большее внимание²⁴. К этому необходимо готовиться сейчас, переосмысливая задачи государственной молодежной политики.

Многолетний опыт работы И. М. Ильинского и его коллег над концепцией молодежи и молодежной политики показывает, что работа эта не может проходить лишь в чисто

академической манере и оцениваться по правилам построения научных теорий. Только в соединении с насущными задачами самореализации человека в его лучших свойствах и чертах, только в связи с осознанными действиями общества по сохранению себя в новых поколениях, восхождению через молодых к более высоким уровням социального развития имеет смысл разрабатывать теории молодежи и основные направления молодежной политики.

НА ПУТИ К КАЧЕСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЕЖИ

Теоретическая разработка проблем молодежи, как представляется, прежде всего должна идти по пути разрешения ряда противоречий, которые сложились в практике эмпирических исследований, что тесно связано и с вопросом о научном обеспечении молодежной политики, социально-молодежной работы и других практических сфер применения систематизированных на определенной концептуальной базе знаний о молодежи. Хорошо освоенные методы сбора данных (анкетный опрос прежде всего) может сегодня удовлетворять потребности практики преимущественно в форме *мониторинга*, где недостатки в отражении реальности (ее огрубление, усреднение и т. д.) не столь существенны для дальнейшей работы по интерпретации результатов исследования. Даже если инструментарий таких исследований заслуживает критики, полученные по одной методике с некоторым интервалом данные позволяют достаточно уверенно характеризовать *динамику* изучаемых процессов. Тем не менее вряд ли это слишком большое утешение, особенно если учесть высокую трудоемкость большинства эмпирических исследований.

Наиболее спорными становятся данные в тематических областях, особенно важных для исследователей молодежи. Из опросов не может быть установлена реальная картина социальной обеспеченности молодежи, ее жизненных установок, ценностей, норм. Получаемые данные существенно искажаются

в момент их сообщения самим источником — респондентом, что связано в первую очередь с особенностями возраста. Характерна, например, установленная в нашем исследовании связь: студенты, полагающие, что для их жизненного успеха необходимо сменить правительство, никакими другими характеристиками не отличаются от студенчества в среднем, кроме того, что «на прошлой неделе» у них было плохое настроение²⁵. Иными словами, психическую неустойчивость, наивность, несформированность жизненных позиций, равно как и максимализм, и романтическое ожидание от будущего нельзя не признавать важными факторами при высказывании мнений в молодежной среде. К ним следует добавить значение групповой нормы, которая также в исследованиях пока учитывается слабо и более всего связывается с субкультурными проявлениями среди молодежи, между тем как она лежит в основе общих для молодежи механизмов оценки и самооценки.

Эти обстоятельства в некоторых научных школах осмысливаются на уровне исходных положений теории молодежи. В отечественной социологии особенно интересны в этом отношении работы Е. Л. Омельченко и ее коллег по НИЦ «Регион» (г. Ульяновск). Соединившись в научных проектах с Центром русских и восточно-европейских исследований Бирмингемского университета (во главе с Х. Пилкингтон), группа Е. Л. Омельченко не только освоила британские концепции молодежи, учитывающие культурные факторы конструирования реальности, роль гендера, значимость субкультурных феноменов²⁶, но и сформировала свои подходы, в центре которых — молодежные культурные практики. Название совместного российско-британского исследования по молодежной проблематике «Бытовое, но не “нормальное”» вполне ясно отражает направление теоретического поиска ульяновских исследователей, реализуемого в целой серии эмпирических проектов²⁷. На поверхности видно, насколько значима для такого рода исследований качественная стратегия

эмпирического исследования. Но все же главное видится в другом: Е. Л. Омельченко идет к исследованиям молодежи от фактора культуры и от проблематики идентификации. Эти два основания позволяют методические средства качественной стратегии использовать с наибольшей адекватностью, а заодно сдвигать ракурсы исследования молодежи от обобщений макросоциального уровня к установлению особенностей относительно ограниченных культурными конструктами и локальной территорией социальных общностей. Это направление не может заменить все многообразие молодежных исследований, в том числе и в плане развития теории, но представляется перспективным и богатым по своим достигнутым и ожидаемым результатам. Его специфика состоит в выявлении субъектной стороны культурной активности молодежи, а именно в этом ракурсе ранее сформировавшиеся в отечественной науке теории молодежи были разработаны недостаточно. Собственно, уже в самом подходе к молодежи эта субъектно-ориентированная позиция заявлена как теоретико-методологическая доминанта: автор предлагает трактовать молодежь через категорию вопроса, что снимает традиционную проблематику социологии молодежи (или по крайней мере существенно сдвигает в ней акценты главного и второстепенного). Для Е. Л. Омельченко открытость молодежного вопроса означает равенство интерпретаций, задаваемых и структурно-статусными, и культурно-психологическими концепциями. Многообразие научных дискурсов — естественное следствие многообразия молодежи (молодежных культур и стилей), и каждый из них по отдельности (структурно-функционалистский, девиантный, поколенческий или иной) недостаточен для анализа молодежной проблематики. Исследовательница придает большое значение поиску специфических черт молодежи в повседневных идентичностях²⁸.

Другая концептуальная идея, разрабатываемая Е. Л. Омельченко, — конструирование феномена молодежи во внешних для нее

нарративах общественного сознания. Огромная структурирующая роль этой внешней оценки для установления границ молодежи и в культурном, и в социальном смысле по большей части не принимается в исследованиях молодежи в расчет. Возникает иллюзия, что молодежные социальные и культурные практики — результат экспериментов молодежи как таковой, не включенной в социальные и культурные контексты. Между тем, различного рода социальные идентичности просто не имели бы смысла, если бы не возникали в ситуации активно оценивающей внешней социокультурной среды.

Это обстоятельство глубоко и конструктивно осмыслено Е. Л. Омельченко. Одной из наиболее удачных работ в этом направлении стала публикация результатов исследования «Паника и изоляция или знание и помощь? Рост потребления наркотиков среди различных групп молодежи: стратегии общественного реагирования в региональном контексте социальных изменений» (1999–2000 гг.)²⁹. «Нормализация» наркопрактик в молодежной среде на фоне моральной паники взрослых (родителей, учителей и др.) показана автором как особый фактор социализации в современных условиях. Эта позиция дискуссионна: Е. Л. Омельченко, во-первых, делает свои выводы, опираясь на исследования субкультурных молодежных общностей, которые все же не равны молодежи (это же относится к взрослым, связанным с данными общностями), во-вторых, проблеме нормы-девиации истолковывает в духе тезиса о *разумности всего действительно-го*. Но в данном случае нас интересует прежде всего теоретическая сторона поставленной проблемы, а она, без сомнения, раздвигает горизонты понимания молодежи в существенно изменившихся социальных контекстах.

ТЕЗАУРУСНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОЛОДЕЖИ

Социальная субъектность молодежи стала одной из основ концепции молодежи, основанной на тезаурусном подходе. Эта кон-

цепция стала одной из базовых в исследованиях молодежи, проводимых в рамках научной школы Московского гуманитарного университета: вслед за Вал. А. и Вл. А. Луковыми, разработавшими тезаурусный подход как методологическое средство в гуманитарных науках³⁰, его применили для изучения молодежной проблематики Д. А. Агранат, В. В. Воробьев, Ю. Е. Надточий, А. Г. Русанова, А. А. Ситников и др.³¹

В итоге сегодня можно говорить о тезаурусной концепции молодежи³², суть которой состоит в следующем. Молодежь в рамках тезаурусной концепции трактуется как социальная группа, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир. Такой состав компонентов понятия, такая связь между ними, понимаемая как отражение социальной реальности, меняет сам взгляд на теорию молодежи.

Тезаурусная концепция молодежи позволяет прояснить пути развития социальной субъектности молодежи и обнаружить ее противоречивые черты как в опредмеченной деятельности, так и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию. То обстоятельство, что институциализированный мир мало освоен молодым человеком, требует от него компенсаторных действий — самостоятельных и предопределенных взаимодействием в peer group (группах сверстников). Постепенно происходит освоение им пространства, правил, реальностей этого мира. Механизмами освоения становятся конструирование социальной реальности и ее проектирование. Причем конструкции и проекты молодого человека могут существенно отличаться от конструкций и проектов «ответственного взрослого» (родители, учителя и т. д.) и, кроме того, динамично изменяться. Особенностью молодежной среды является совмещение нескольких

тезаурусов, которое ведет к событийной гиперболизации одного из них, — того, что представляется наиболее подходящим в личной жизненной ситуации.

Общая схема конструирования социальной реальности включает: (1) адаптацию к условиям среды (пробы и ошибки; узнавание частей среды и правил; изменение поведения в соответствии с правилами; понимание и легитимация части среды через «наше»); (2) достраивание реальности (символизация через идеальное «благо» и «зло», построение символического универсума; компенсация недоступного; действия по ограждению «своего мира», выделение зоны независимости); (3) переструктурирование условий среды (игнорирование неважного; изменение пропорций и комбинирование в соответствии с тезаурусом; действие вне «своего мира» в соответствии со своим символическим универсумом). Эти позиции реализуются как фактический итог жизнедеятельности и как результат осуществления проекта.

Конструирование реальности хорошо видно в действиях различных молодежных групп. Задача состоит в том, чтобы не останавливаться на этих хорошо различимых поведенческих, символических и вещных комплексах, нередко выделяемых сторонним наблюдателем с негативной оценочной позиции. Активность молодежи в социальном конструировании реальности составляет важнейшее условие ее социализации и в этом плане относится не к отдельным, а ко всем молодежным сообществам.

Очевидно, что развитие тезаурусной концепции молодежи влечет за собой разработку целого ряда фундаментальных категорий гуманитарных наук. Такова, в частности, категория социализации, значение которой для социологического, социально-психологического, антропологического дискурса трудно переоценить.

Наша гипотеза состоит в том, что (1) индивидуальные тезаурусы строятся в рамках социализационного процесса из элементов тезаурусных конструкций; (2) в обществе сосуществуют несколько тезаурусных кон-

струкций с разной степенью актуальности (т. е. степенью распространенности, нормативности, формализации); соответственно, и на индивидуальном уровне возможно сосуществование нескольких тезаурусов и выстраивание тезауруса с подвижной иерархией элементов; (3) актуальность, актуализация и утеря актуальности тех или иных тезаурусных конструкций детерминированы объективными социальными процессами и субъективным определением ситуации (на различных уровнях социальной организации); (4) социализационные практики обеспечивают передачу и актуальных, и неактуальных тезаурусных конструкций, из которых строятся тезаурусы.

Таким образом, тезаурус в когнитивном аспекте (через организацию знания) связывает личность с обществом. Возникающая в ходе социализационного процесса комбинация элементов (сведений, моделей поведения, установок, ценностей и т. д.) выстраивается из фрагментов тезаурусов *значимых других*. Эти фрагменты сами несут в себе следы более ранних тезаурусных образований, также воспринятых от значимых других иного поколения. Общую часть тезаурусных фрагментов, из которых, собственно и формируются индивидуальные тезаурусы, мы называем тезаурусными конструкциями. Сцепление тезаурусных конструкций в тезаурусы обусловлено задачами ориентации в социальном пространстве–времени.

Тезаурусный подход к социализации позволяет, как представляется, преодолеть некоторые противоречия социализационных теорий. Концептуальная сторона этого подхода может быть представлена в следующих положениях:

1. Тезаурус — индивидуальная конфигурация ориентационной информации (знаний, установок), которая складывается под воздействием макро- и микросоциальных факторов и обеспечивает ориентацию человека в различных ситуациях и на различных уровнях социальности.

2. Освоение социальности в конечном счете идет по модели разделения «своего»

и «чужого» (при сильном влиянии значимых других) и выработки позиции по отношению к определяемым фрагментам общественной жизни по конструкции апрейзера (трехзвенной шкалы оценки).

3. Адаптация и интериоризация как этапы социализационного процесса в аспекте формирования тезауруса соответствуют последовательности: (1) отделение (референция) «чужого» и установление дистанции, приемлемой для отношения к нему; (2) переработка «своего» в тезаурусе вплоть до потери осмысленной референции «своего».

4. Передача социального опыта от поколения к поколению, формирование нового социального опыта идут в рамках тезаурусных конфигураций. Эти рамки включают и макросоциальные влияния (структурно-функциональные и ситуативные), и микросоциальные влияния (статусно-ролевые, групповой динамики, ситуативные). Жизненные концепции могут оказывать регулируемую роль в преимуществах тех или иных влияний.

5. Тезаурусы агентов социализационного процесса способны видоизменять как ход (направленность, фазы, скорость) этого процесса, так и его результативность. Результативность социализации оценивается в соответствии с тезаурусной структурой, характерной для данного общества (сообщества).

Мы исходим из материалистического представления о социализации как процессе, имеющем своим основанием сложившиеся в обществе типы образа жизни. В то же время социализация в каждый данный исторический момент не является зависимой только от наличных условий бытия, от присутствующих данной эпохе образцов поведения и мышления и т. д. Кроме синхронии, есть еще и диахрония тезаурусных конструкций, и те или иные структуры могут переноситься сквозь века не непосредственно через каналы преемственности и смены поколений, но через сохранение, ретрансляцию и возрождение (после, как нередко бывало, целых эпох забвения) социокультурных кодов в их материализованной форме (тексты).

* * *

В теориях молодежи, получивших признание в отечественной исследовательской практике в последнее десятилетие, наиболее активно реализованы три ведущие идеи: социальная и культурная субъектность молодежи, социальная и культурная автономия молодежи, многообразие социальных и культурных практик молодежи. Объектная сторона жизни молодежи в обществе, социально-структурная заданность тех или иных свойств молодежи отошли на задний план, хотя в эмпирических исследованиях и обобщающих докладах о положении молодежи в стране или отдельных территориях эта линия еще достаточно заметна. Этот сдвиг не мог не сказаться на росте внимания исследователей к применению качественной стратегии исследования, хотя она еще слабо освоена в российской социальной науке и остается скорее намерением, чем исследовательской практикой (за небольшим исключением).

Развитие теорий молодежи, даже тогда, когда они воспринимаются слишком далекими от насущных практических задач, в действительности свидетельствует о том, что во взаимоотношениях общества и молодежи (целого и его части) накопились противоречия, которые создают напряжение в общественной жизни и корректируют самоопределение личности на социальном старте. То, что хорошо для теории, звучит как предупреждение о грядущих переменах. Только неизбежная абстрактность теоретического знания и его возможность развиваться в формах чисто мыслительного процесса не позволяют придавать этому выводу фатальный характер.

¹ См.: Яковук Т. И. Динамика ценностных ориентаций белорусской молодежи периода системной трансформации общества. Брест: БГТУ, 2003; Она же. Меняющаяся молодежь в меняющемся обществе. Брест: БГТУ, 2003; Она же. Неопределенность как регулятор духовной жизни молодежи. Брест: БГТУ, 2005; и др. Более 90 работ Т. И. Яковук обобщены

в ее докторской диссертации, на которую мы опираемся далее. См.: Яковук Т. И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи: Дис... докт. социол. наук. М., 2006.

² См.: Яковук Т. И. Факторы неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи. С. 42–43.

³ См.: там же. С. 54–55, 178–179.

⁴ См.: там же. С. 65, 147, 153.

⁵ См.: там же. С. 107–108, 115, 127.

⁶ См.: там же. С. 68.

⁷ Об особенностях такого перехода см. в работах: Рожнов О. А. Управление молодежной политикой в современной России: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2006; Глазун И. В. Региональные особенности институционализации государственной молодежной политики в современной России: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2007; и др.

⁸ См.: Яковук Т. И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи. С. 197.

⁹ См.: там же. С. 226.

¹⁰ Там же. С. 70, 126.

¹¹ Там же. С. 186.

¹² Молодежь России: Тенденции, перспективы / Под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шапинова. М.: Мол. гвардия, 1993. С. 208.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ См.: Ильинский И. М. и др. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы. М., 1999. С. 22–42.

¹⁵ См.: Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. С. 108–120.

¹⁶ Молодежь России: Тенденции, перспективы. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 4.

¹⁸ Ильинский И. М. Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового общества // Молодежь и общество на рубеже веков. М.: Голос, 1999. С. 39.

¹⁹ Ильинский И. И., Бабочкин П. И. Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений // Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: Доклад Комитета Рос. Федерации по делам молодежи. М., 1995. С. 214.

²⁰ Ильинский И. М. Образовательная революция. М.: Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии, 2002. С. 240.

²¹ Там же.

²² Это показывает И. М. Ильинский, анализируя публикуемые им секретные документы американской внешней политики конца войны и первых послевоенных лет. См.: Ильинский И. М. История учит // Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / Сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М., 2006. С. 43.

²³ Ильинский И. М. Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. 2005. №3. С. 17.

²⁴ См.: Ильинский И. М. Образование. Молодежь. Человек: (статьи, интервью, выступления). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006.

²⁵ См.: Луков Вал. А. Молодежь России: в классы или на баррикады?: О состоянии и перспективах государственной молодежной политики // Вестник аналитики. 2005. №4. С. 17–27.

²⁶ См.: Pilkington H. Russia's Youth and its Culture. A Nation's constructors and Constructed. Routledge, 1994; Pilkington H. (ed.) Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia. Routledge, 1996.

²⁷ См.: Омельченко Е. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирск. кн., 2004; Нормальная молодежь: Пиво, тусовка, наркотики; Ч. 2: Посторонним вход не воспрещен: Нарративы, дневники, артефакты... аутентичные свидетельства за и против «нормализации» / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск, 2005.

²⁸ См.: Омельченко Е. Молодежь: открытый вопрос. Указ. соч.; Она же. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.

²⁹ Омельченко Е. А. Герои нашего времени: Социологические очерки. Ульяновск, 2000.

³⁰ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Концепция курса «Мировая культура»: Тезаурологический подход // Пед. образование. М.: Прометей, 1992. С. 8–14; Они же. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 93–100; Они же. Теория тезаурусного анализа // Гуманитарное знание: перспективы развития в XXI веке

/ Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М., 2006. С. 557–565; Они же. Гуманитарное знание: тезаурусный подход // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). 2006. №1. С. 69–74; и др.

³¹ См.: Агранат Д. Л. Социальная адаптация молодых сотрудников в органах внутренних дел: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2001; Воробьев В. В. Особенности групповой идентичности студентов в московском вузе: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2003; Надточий Ю. Е. Институционализация соци-

альных наркопрактик в современной России: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2002; Ситников А. А. Особенности социальных практик бодибилдинга в современной России: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2004; Русанова А. Г. Особенности культурной идентичности студентов в областном центре России: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2007 и др.

³² См.: Луков Вал. А. Тезаурусная концепция молодежи // II Всероссийский социологический конгресс. М., 2003. Т. 3. С. 71–72.